

Страшный год

Всё было кончено. По опустевшим улицам притихшего Петербурга морозный ветер гнал бумажный мусор - обрывки военных приказов, театральных афиш, воззваний к „совести и патриотизму” русского народа. Пёстрые лоскуты бумаги, с присохшим на них клейстером, зловеще шурша, ползли вместе со снежными змеями позёмки.

Это было всё, что осталось от еще недавно шумной и пьяной сутолоки столицы. Ушли праздные толпы с площадей и улиц. Опустел Зимний дворец, пробитый сквозь крышу снарядом с „Авроры”. Бежали в неизвестность члены Временного правительства, влиятельные банкиры, наменитые генералы... Исчезли с ободранных и грязных улиц блестящие экипажи, нарядные женщины, офицеры, чиновники, общественные деятели со взбудораженными мыслями. Всё чаще по ночам стучал молоток, заколачивая досками двери магазинов. Кое-где на витринах еще виднелись: там - кусочек сыру, там - засохший пирожок. Но это лишь увеличивало тоску по исчезнувшей жизни. Испуганный прохожий жался к стене, косясь на патрули - на кучи решительных людей, идущих с красной звездой на шапке и с винтовкой, дулом вниз, через плечо.

Северный ветер дышал стужей в тёмные окна домов, залетал в опустевшие подъезды, выдувая призраки минувшей роскоши. Страшен был Петербург в конце семнадцатого года.

Страшно, непонятно, непостигаемо. Все кончилось. Все было отменено. Улицу, выметенную поземкой, перебежал человек в изодранной шляпе, с ведёрком и кистью. Он лепил новые и новые листочки декретов, и они ложились белыми заплатками на вековые цоколи домов. Чины, отличия, пенсии, офицерские погоны, буква ять, Бог, собственность и само право жить как хочется - отменялось. Отменено! Из-под шляпы свирепо поглядывал наклейщик афиш туда, где за зеркальными окнами ещё бродили по холодным покоем обитатели в валенках, в шубах, - заламывая пальцы, повторяли:

- Что же это? Что будет? Гибель России, конец всему... Смерть!.. [...]

Настаёт ночь. Чёрно - ни фонаря, ни света из окон. Угля нет, а, говорят, Смольный залит светом, и в фабричных районах - свет. Над истерзанным, простреленным городом воеет вьюга, насвистывает в дырявых крышах: "Быть нам пу-у-усту". И бухают выстрелы во тьме. Кто стреляет, зачем, в кого? Не там ли, где мерцает зарево, окрашивает снежные облака? Это горят винные склады... В подвалах, в вине из разбитых бочек, захлебнулись люди... Чёрт с ними, пусть горят заживо!

О, русские люди, русские люди!

Русские люди, эшелон за эшелонем, валили миллионными толпами с фронта домой, в деревни, в степи, в болота, в леса...

А. Толстой, „Хождение по мукам” (1928)